

522
Боровой

А. В. Боровой

ИЗ ИСТОРИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ
РОССИИ XVIII в.

(Вопрос о банках в 60-70 гг. XVIII в.)

БОРОВОЙ С. И., профессор, доктор исторических наук.

Июль 1959 г.

I

Экономическая политика России в XVIII в. до сих пор не изучена в очень существенных ее разделах.

Особенно недостаточно исследованы как в дореволюционной, так и в советской литературе вопросы, связанные с историей финансов, кредита и банков. А между тем эти вопросы имеют существенное значение для разрешения основной проблемы истории экономического развития России XVIII в. — о соотношении капиталистических и крепостнических элементов в хозяйственной действительности и о предпосылках противоречивой экономической политики России того времени.

Хотя давно были отмечены бросающиеся в глаза специфические черты истории кредитно-банковской политики России (относительно позднее возникновение русских банков и то обстоятельство, что они были основаны по инициативе правительства и орудовали почти исключительно государственными средствами), до сих пор однако не были вскрыты с достаточной полнотой причины, обусловившие особенности исторического пути русских банков. Вскрыть эти причины мы сможем только тогда, когда будем рассматривать историю банков в связи с общим характером социально-экономического развития России XVIII в.

Если в экономически более передовых странах развитие кредитного дела означало, как указывал К. Маркс, «лишь подчинение капитала, приносящего проценты, условиям и потребностям капиталистического способа производства»¹⁾, то несколько иная роль выпала на долю банков России XVIII в. Основанные по инициативе правительства, русские банки были также реакцией против ростовщичества. Но в условиях феодально-крепостнической России эта реакция против рос-

1) К. Маркс, Капитал, т. III, стр. 530 (изд. 1936 г.).

1279 19579

ОБЩЕ-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ИНСТИТУТ

товщества свелась только к попытке освободить феодальное землевладение от задолженности, т. е. по существу ставила себе целью законсервировать крепостнические отношения.

Хотя в России XVIII столетия зародился капиталистический уклад, банковская политика правительства — как в основном вся экономическая политика — была в целом подчинена интересам феодально-крепостнических элементов. Это ярко иллюстрируется судьбой Купеческого Банка (основанного в 1754 г., прекратившего свою деятельность в 1770 г.) и нескольких других подобных ему учреждений. В их распоряжении были ничтожные средства, условия кредита были трудные и невыгодные, и отсюда эфемерность существования русских «купеческих» банков XVIII в.

Говоря об истории русской промышленности в крепостническую эпоху, В. И. Ленин указал на самобитное явление в русской истории, которое состоит в применении крепостного труда к промышленности¹⁾.

Предлагаемая статья-раздел из большой подготовленной к печати работы имеет целью показать, как феодально-крепостнический строй, господствовавший в России XVIII в., наложил свой отпечаток не только на развитие сельского хозяйства и промышленности, но обусловил и «самобитные» черты истории кредитной политики.

II

В начале 60-х годов XVIII столетия, т. е. всего через несколько лет после основания Дворянского Банка, его дела пришли в полный упадок и расстройство²⁾. В высших правительственных сферах даже склонялись к мысли о коренной реорганизации банка. При Петре III был разработан план создания Государственного Банка с эмиссионными функциями³⁾. Этот банк, очевидно, должен был заменить существовавшие банки, деятельность которых вызывала большое недовольство руководящих правительственных кругов. Но тогда этот план остался нереализованным.

Первые годы царствования Екатерины II тоже не внесли

1) Ленин, Сочинения (изд. 4-е) т. III, стр. 411.

2) См. мою работу „Банки в России в первые десятилетия их существования“ — в „Сборнике трудов Одесского Кредитно-Экономического Института“, т. I, Одесса, 1940 г., стр. 35—49.

3) П. П. С.З. XV, 11550. Несколько документов о проекте Государственного Банка опубликованы также Соловьевым, кн. 5, стр. 1537.

заметных перемен в дела банка. Хорошо известно, что как раз в эти годы происходит в особенно грандиозных масштабах раздача государственного достоинства многочисленным приближенным молодой императрицы. Что бесстыдное расхищение национального богатства было связано с шекотливыми обстоятельствами воцарения Екатерины, это прекрасно сознавали современники. «Известно, что восшествие императрицы Екатерины II последовало по возмущению, учинивших сие возмущение надлежало награждать, даны им были: единым деревни, другим — деньги⁴⁾».

Если в течение первых двух месяцев царствования Екатерины было роздано «только» 18 тысяч душ крестьян и 526 тысяч рублей⁵⁾, то потом раздачи крестьянскими душами, наличными деньгами и драгоценностями приобретают, как известно, совершенно фантастические размеры. Всего за свое царствование Екатерина «раздала» 800 тысяч душ крестьян. Ее периодически сменявшиеся «фавориты» составляли себе за самый короткий срок громадные состояния: братья Орловы получили 45 тысяч душ и 17 миллионов рублей наличными деньгами и драгоценностями; Ланской — 3 миллиона рублей; Потемкин за годы своей «силы» — 37 тысяч душ и 9 миллионов рублей (причем, он умудрился оставить после себя долги и т. д.⁶⁾).

Но эти денежные выдачи производились помимо банка. Им даже не считали нужным, хотя бы для приличия, придавать характер ссуд. Впрочем, в иных случаях, в этих же целях использовались средства банка. Так, в 1765 г. Екатерина II распорядилась выдать из сумм Дворянского Банка 60 тысяч рублей в виде беспроцентной ссуды вдове фельдмаршала Апраксина, безмерной роскошью расстроившего свое громадное состояние и оставившего семью в «немалых долгах»⁷⁾. Ограниченность свободных сумм препятствовала более широкому использованию аппарата банка для выдачи пособий фаворитам.

Если вопрос об удовлетворении appetitов ближайшего окружения императрицы решался, как мы видели, весьма про-

1) Шербатов М.—Сочинения, т. I (СПб, 1896), стр. 620 (статья „Состояние России в рассуждении денег и хлеба в начале 1788 года“).

2) Фирсов Н. Исторические характеристики, т. II. (Казань 1922), стр. 85.

3) Карнович. Замечательные богатства частных лиц в России (СПб 1874), стр. 297, 305, 311, 332 и др.

4) Карнович, там же, стр. 114.

Имп. 1059 г.

то, то этим вовсе не снималась с очереди проблема организации дешевого кредита для основной массы помещиков-крепостников. В это время вопрос о задолженности дворянства не только не теряет своей актуальности, но наоборот, приобретает с каждым годом все большую остроту. В 1764 г. Екатериной был обнаружен очень велемечивый указ, посвященный вопросу о «Лихве» и запрещающий взимание процентов, «сверх определенных по указу 1765 г.». Причем этот указ разъяснял, что взимание 6% годовых «не есть лихва словом божим запрещенная и гражданским установлением противная, но взаимное друг другу споможение».

Однако весь десятилетний опыт введения «указного процента» достаточно убедительно показал бесплодность борьбы с ростовщичеством одними законодательными мероприятиями. Поэтому, одновременно с подтверждением запрещения ростовщичества в правительственных сферах рассматривался вопрос о возможности расширения Дворянского Банка. 20 января 1766 г. в Сенате в присутствии императрицы рассматривался проект нового устава Дворянского Банка. Было предложено до введения в действие этого устава опубликовать его для общего сведения. При этом приводилась следующая любопытная мотивировка: «не лучше ли будет то учреждение, как интересующее всю партикулярную публику, за подгода прежде, чем самое действие вступить сможет, публике дать знать напечатанием его, не называя докладом, а назвав проектом»¹).

Этот проект «нового статута Дворянского Банка», как по-данный от имени «некоторой персоны», был опубликован «к всеобщему сведению».

Опубликованный проект предусматривал увеличение капитала банка до 2,5—3 миллионов рублей, удлинения срока ссуд до 10—15 лет (вместо 8) и установление максимума ссуды в 15—20 тысяч (вместо 10). Вместе с тем предусматривались еще дополнительные мероприятия, гарантирующие сохранение имений «в фамилии», (а именно, разрешение выкупать имение, попавшее в конфискацию более отдаленным родственникам должника). Таким образом, как мы видим, эта реформа должна была создать еще более благоприятные условия для дворян-закладчиков.

Но важно отметить, что опубликованный проект преду-

сматривал и одно принципиально новое мероприятие: по проекту нового устава, банк, наряду с ссудными операциями должен был приступить к приему вкладов, по которым должен был выплачивать 6% годовых. Довольно скоро часть предложений «нового статута» оказалась реализованной.

III

Но проблемы организации Дворянского Банка и вообще вопросы организации дворянских кредитных учреждений стали предметом публичного обсуждения еще раньше.

В 1767 г. правительством была собрана знаменитая «комиссия по составлению нового уложения». Как известно, перед комиссией была поставлена чрезвычайно обширная программа, которая, однако, по разным причинам была выполнена только в самой незначительной своей части. Хотя по мысли инициаторов созыва комиссии в ней должны были быть представлены все сословия и группы населения империи (кроме, конечно, самого многочисленного сословия — крепостных крестьян) и комиссия приобрела, по крылатому выражению В. Ключевского, характер «Всероссийской этнографической выставки», — основную массу депутатов составляли, естественно; представители дворянских обществ и голос «первостепенного» сословия раздавался в комиссии громче всего.

В основу работы комиссии был положен так называемый «Наказ» Екатерины, эта претенциозная программа «просвещенного абсолютизма» и его идеологическое обоснование. Наказ был составлен в таких выпрепных и абстрактных выражениях, его статьи были настолько оторваны от конкретной исторической действительности тогдашней России и так мало согласованы с реальной правительственной программой деятельности, что нас не удивит отсутствие в наказе специальных параграфов, посвященных вопросам дворянской задолженности и кредита¹).

Однако, дворянские общества при составлении наказа своим депутатам, также как и дворянские представители в самой комиссии, не унеслись в туманные выси законодательной

1) Только два параграфа наказа вообще упоминают банки. Параграф 238 говорит в самых абстрактных выражениях о роли банка в торговом кредите, а § 323 — об эмиссионном банке. По указанию И. Чечулина («Об эмиссионном наказе» — Журнал Министерства Народного Просвещения» 1902, апрель), § 238 есть цитата из Бизьферда, а § 323 — выписка из Монтестье.

1) Журнал Сената от 20 января 1766 г. Цит. по Соловьеву, кн. 6, стр. 306.

2) П.И.С.З. XVII 12719.

риторики, а повели вполне прозаическую земную речь. Исследователи деятельности законодательной комиссии 1767 г., даже из лагеря консервативных историков, всегда смущал неприкрытый узко-классовый эгоизм, которым были пронизаны все выступления дворянских депутатов и дворянские наказы. В комиссии раздавался, по словам М. Соловьева, «дружный и страшно печальный крик: равов!»¹). Вот эти незауваживаемые политическим воспитанием грубые и откровенные притязания дворянства на новые блага за счет государственных средств и за счет всех других сословий страны нашли свое яркое выражение и во всех выступлениях по вопросу об организации государственных кредитных учреждений для дворян.

Уже в наказах депутатов отдельных дворянских обществ был поставлен вопрос о кредите для дворян, хотя, как мы отметили выше, эта проблема была совершенно обойдена в екатерининском наказе и, таким образом, не была специально поставлена на обсуждение.

Если воронежское дворянство высказалось в очень общей форме о необходимости «лихоимство пресечь и совсем его пристойным порядком истребить»²), то дворянство некоторых других местностей имело совершенно конкретный план: оно выступает с требованием учреждения целой серии местных дворянских банков, которые должны были действовать по образцу существовавшего центрального банка. Орловское дворянство в специальном разделе своего наказа писало: «Указать завети по провинциям государственные для дворян банки на равном положении, как в столицных городах Санкт-Петербурге и Москве есть, в коих дворяне для крайних нужд деньги с закладом своих имений и поруками занимать должны будут»³).

Это же предложение в очень жалостливой форме было повторено и вологодскими дворянами: «Всеподданнейше просим Е. И. В. и все-высочайшее матерного милосердия по бедности многих дворян, милостиво указать сделать провинциальный банк»⁴).

Очень любопытно отметить, что тогда же в наказе «нежняского и батуринского шляхетства» была высказана просьба,

«чтоб особливо Е. И. В. высочайшей милости банк государственный в Малой России для пользы общей учрежден был на таком основании, как оный в России, для дворян заведен»⁵). Здесь следует напомнить, что в те годы «малороссийское шляхетство» было лишено возможности получать ссуды из дворянского банка. Такое положение создалось не в силу какого-нибудь специального ограничения прав украинского дворянства, а единственно вследствие того обстоятельства, что тогда на Украине еще не было окончательно оформлено крепостное право и поэтому у украинского шляхетства не было «душ», а ведь только под залог их выдавались ссуды. Однако сейчас же после оформления крепостного права на Украине (1783) был издан специальный указ, разрешавший украинскому дворянству пользоваться ссудами Дворянского Банка.

Получив такие конкретные и четкие директивы от своих избирателей, дворянские депутаты не упускали подходящих поводов, возникавших на заседаниях комиссии, чтобы затронуть вопрос о кредите для дворянства.

Уже на одном из первых заседаний дворянский депутат Веденеев обратил внимание на необходимость строго придерживаться указов о пресечении лихоимства и процитировал соответствующий петровский указ 1714 г.⁶).

У других дворянских депутатов оказались подготовленными разработанные проекты реформы кредитных учреждений для дворян. В этом отношении очень любопытно выступление Г. Бровцына, депутата Трубчевского уезда. В этом выступлении явно отразилось недовольство мелкопоместного дворянства деятельностью банка. На заседании 25 ноября 1767 г. он говорил:

«Как по правилам учрежденных банков дозволено брать из них деньги всякому, кто сколько пожелает, с закладами и поруками, то зажиточные дворяне и берут из него значительные суммы. За такую выдачу иногда не остается в банке малого количества денег, а чрез это бедное дворянство уже не может пользоваться сею милостью и от продажи и зклада своих имений несет большие убытки и даже полное разорение»⁷).

Развивая эту мысль, Бровцын внес такое предложение: наряду с долгосрочными ссудами богатым дворянам (на сум-

1) Соловьев, кн. 6, стр. 378.

2) Сборник Русского Исторического Общества, т. 69 (1899) стр. 355.

3) Там же, стр. 527.

4) Сборник Русского Исторического Общества, т. 14 (1875) стр. 461.

1) Сборник Русского Исторического Общества, т. 68, стр. 144.

2) Там же, т. 4, (1869), стр. 178.

3) Там же, стр. 202.

19579

му от одной тысячи и выше) банк должен выдавать также «бедным дворянам» краткосрочные ссуды сроком до 3 месяцев от 50 рублей. Относясь весьма недоброжелательно к богатым земщикам банка, Бродвын предлагал максимальный срок ссуды в три года. Это предложение вызвало, естественно, самые решительные возражения¹⁾.

Одновременно с этим Бродвын первый выступил на комиссии с предложением о необходимости учредить в отдельных провинциях и губерниях местные дворянские банки, подведомственные губернаторам.

Это последнее предложение нашло, как и следовало предполагать, целый ряд защитников, высказавших по этому поводу и свои «проекты».

Так, депутат от дворянства Галицкого уезда Ю. Лермантов, «обратив внимание, что все дворяне не могут быть удо-вольствованы ссудами из учреждений банков, предлагал устроить банки в провинциальных городах из частных капиталов на таких основаниях: городской банк должен состоять из капиталов всякого звания людей, но желающий внести в него деньги должен быть той же провинции».

Однако пользоваться ссудами городского банка могли — по мысли Лермантова — только дворяне под залог имений (душ?) из 6 процентов годовых. Максимальный размер ссуд устанавливался в тысячу рублей.

Откуда возьмутся капиталы для местных дворянских банков? У Лермантова было свое весьма оригинальное предложение по этому поводу:

«Но чтобы эти банки имели постоянное приращение капиталов, то надлежит отменить закладные и дворянам не дозволять ни перед кем обвязываться векселями»²⁾.

Как ни удивительно, но последнее явля утопическое предложение Лермантова нашло на заседании комиссии некоторую поддержку. Кашинский дворянин Кожин тоже присоединился к мысли о необходимости запретить дворянам заниматься ссудными операциями, давая деньги под закладные; этим они «набавятся душепагубного трех брать излишние проценты». Кожин предлагал обязать дворян, занимавшихся ссудными операциями, сдавать свои деньги в банк, тогда «многие получат средство, занимая их оттуда, выкупом сохранять свои имения».

1) Сборник Русского Исторического Общества, т. 4, стр. 213 (выступление Ржевско-Владимирского депутата от дворянства И. Игнатьева).

2) Там же, стр. 202-203.

Однако тот же Кожин высказался против того, чтобы дворянам было запрещено выдавать векселя, «ибо через это коммерция может много пострадать»³⁾. К предложению Лермантова присоединился и депутат чухломского дворянства В. Кашинин⁴⁾ и нижегородский депутат Радлов⁵⁾.

С обширным мнением о необходимости и провинциальных дворянских банков выступил на одном из заседаний комиссии дворянин Шишков. Он говорил: «Но всего лучше, если бы возможно было по губерниям и по провинциальным городам учредить банки на таком основании, на каком оные существуют ныне в Москве и С-Петербурге... Какую бы из этого пользу могло почувствовать дворянство, может всякий исчислить тем, что цена продаваемых между дворянством деревень, по учреждении банковых контор, возвысилась более, нежели вдвое»⁶⁾. Конечно, не приходится сомневаться в том, что заявление Шишкова о благотворительном влиянии, которое оказала деятельность банка на рост дворянского благосостояния, является чрезмерным преувеличением, но самое заявление Шишкова представляется очень характерным: оно показывает, какие громадные надежды возлагали в среде провинциального дворянства на банк.

Впрочем, у этого Шишкова был и другой совсем любопытный план того, как «ограничить тесными пределами... гибельное мотовство молодых дворян, просяхидшее от существующей роскоши». Он предлагал в своем «мнении»:

«Надежит из всех мест через публикацию собрать банковым конторам сведения о всех частных долгах дворян по векселям и закладным... Через это и откроется, кто сколько должен. Количество долга каждого лица обеспечить числом душ, узаконенных в банковских конторах, а на остальные затем души дать из городских канцелярий помещикам свидетельств, по которым на остальное число душ всякий может ссудить деньгами, не опасаясь их потерять»⁷⁾.

Говоря иначе, Шишков предлагал перевести всю громадную задолженность дворянства на банк, освободив их этим самым от оплаты высоких ростовщических процентов. Откуда государство возьмет средства на проведение этой своеобраз-

1) Сборник Русского Исторического Общества, т. 4, стр. 203.

2) Там же, стр. 203.

3) Там же, стр. 213.

4) Там же, т. 8 (1871), стр. 309. Предложение Шишкова было поддержано и депутатом Степановым, см. там же, стр. 325.

5) Там же, стр. 30..

ВЕРИТЬ
24 09 37 97
Б.И.В. КОТЕН

ной «конверсии» дворянских займов — этот вопрос он перед собой не ставил. Но, как мы увидим дальше, утопическими поисками такой кредитной операции, которая сразу освободила бы дворянство от всей его задолженности, занимались иногда и видные государственные деятели дворянской России, а не только досужие провинциальные помещики.

IV

Как известно, Комиссия довольно рано и неожиданно закончила свое существование. Она не оформила ни одного за законодательного акта, и ее непосредственное влияние на законодательную и административную практику было незначительным. Но изучая дальнейший ход правительственной деятельности, мы неоднократно обнаруживаем, как отдельные пожелания, высказанные в наказах и выступлениях дворянских депутатов, оказались реализованными. В большинстве случаев это правильно объяснить единством социальной позиции дворянской монархии и дворянских депутатов. В некоторых же случаях бесспорно и непосредственное влияние выступлений и пожеланий, высказанных в Комиссии.

Так, из дальнейшего изложения истории дворянских банков в России мы обнаружим, как почти все пожелания по вопросу об организации дворянского кредита, высказанные Комиссией, были так или иначе реализованы или поставлены законодательной практике ближайших лет.

Это прежде всего относится к вопросу о приеме дворянским банком, вкладов от частных лиц и учреждений. Тако же пожелание было высказано в опубликованном правительством проекте нового статута банка; такое же пожелание, как мы только что видели, высказывалось и в заседании Комиссии.

Собственно говоря, вопрос о пассивных операциях банка имел к тому времени уже некоторую, не лишнюю интерес историю. Еще в 1764 г. в одном из указов говорилось о желательности привлечения банками вкладов от «партикулярных людей». Но тогда, как отмечал указ, единственным вкладчиком дворянского банка был только что учрежденный (в том же 1764 г.) Воспитательный дом. Так как опыт банка показал что очень легко давать деньги в ссуду, но очень трудно получить их обратно и что достаточно трудно даже и взывать проценты по ссудам от заемщиков, то естественно возникло опасение, что полученный вклад окажется невозможным вернуть и требованию и что неоткуда будет платить проценты. Учитывая все это и ежелея у партикулярных людей отнять всякое

том сомнение, а чрез то наиболее утвердить банковый кредит», авторы указа сочли необходимым предписать соблюдение наибольшей осторожности по отношению к вкладкам частных лиц. Их предписывалось «раздавать особо, не мешая с казенным капиталом, и получаемые с них проценты, равно как и самые капиталы, не только никуда по присылаемым указам в расход не употреблять, но и в казне отнюдь не удерживать, а раздавать также в рост, присовокупляя проценты к капиталу»¹⁾.

Только что указывалось, что при существовавшем положении дел банку трудно было взять на себя обязательство регулярно выплачивать вкладчикам проценты и своевременно по их требованию возвращать вклады. В этих условиях получение вкладов представлялось очень обременительным и ответственным делом.

Надо сказать, что в эти годы иностранные банки ипотечного кредита, имевшие также дело со знатными и неаккуратными должниками, воздерживались от приема вкладов. В этом отношении характерен пример Прусской «Земской кредитной кассы», основанной в конце XVII в. Она принимала вклады и платила 6%, но скоро обанкротилась, так как ее должники не возвращали ссуды и не уплачивали проценты. Потом «Земская кредитная касса» возобновила свою деятельность, но она, а равно и другие возникшие в ту пору учреждения дворянского поземельного кредита, стремились максимально сократить прием депозитов. Прием вкладов рассматривался как милость, оказываемая по специальному распоряжению короля, и этой милостью пользовались оставшие заслуженные чиновники и их вдовы, а преимущественно — благотворительные учреждения, причем только в редких случаях банк соглашался принимать бессрочные вклады; в большинстве случаев банк принимал депозиты только на определенный и не очень продолжительный срок²⁾.

Поэтому вполне естественно, что руководители дворянского банка в течение нескольких лет не только ничего не делают для привлечения в банк депозитов, — они просто игнорируют полученное по указу 1764 г. право приема в банки вкладов. Они рассматривают представленное Воспитательному дому право держать свои деньги в банке как особую привилегию, не могущую служить прецедентом.

1) И. П. С. З., XVI 12120.

2) Подробнее — ряд дополнительных примеров см. Кулишер И. История экономики быта Западной Европы, т. II. М. 1931, стр. 300 и сл.

Однако правительственные круги настаивают на расширении функций дворянского банка за счет развития пассивных операций. В полезности этого их возможно убедили те предложения, которые раздавались на заседаниях комиссии по содействию нового уложения.

В 1770 г. был издан указ, предписывавший банку прием частных вкладов, так как это «почтается для государства полезным»¹⁾, а в докладе Панина, Миниха и других видных государственных деятелей того времени (1772 г.) отмечался такой — с их точки зрения недопустимый — факт: русские богачи имели свои вклады в иностранных банках. Они предлагали изыскать меры, в результате которых «общее богатство, не выходя в чужеземные руки, оставаться будет в Империи»²⁾.

Тут следует, впрочем, отметить, что, сколько позволяет судить известный нам материал, русские вельможи, державшие свои капиталы в иностранных банках, поступали так не потому, что в России отсутствовали соответствующие кредитные учреждения, а потому, что они стремились получше укрыть часть своего богатства (как правило, весьма сомнительного происхождения) от очень частых в политическом быту тогдашней России конфискации. Так, в иностранных банках — лондонском и амстердамском — хранил немалые богатства князь Меншиков, гр. Остерман, который умер в 1744 г., и оставил в лондонском банке 11 тыс. фунтов, а в амстердамском — 130 тысяч гульденов; в амстердамский же банк перевел все свое состояние поповши в опалу при воцарении Елизаветы гр. Головиной³⁾.

Итак, мы видим, что в руководящих правительственных кругах настаивают в эту пору на необходимости привлечения капиталов русских вкладчиков в русские кредитные учреждения. Так, тогда (в 1772 г.) была учреждена при Воспитательном доме специальная «вдовья секудная и сохраняющая казна», которая свои вклады держала тоже сначала в дворянском банке. Тогда же были установлены условия проведения банком пассивных операций: по вкладам решено было платить 5% годовых, из денег вкладчиков давать в ссуды в размере от одной тысячи рублей до 25 тыс. рублей максимум⁴⁾.

Как развивались пассивные операции дворянского банка? В нашем распоряжении нет достаточного материала, но до-

шедшие до нас данные оказываются чрезвычайно показательными.

Количество вкладчиков было в общем весьма невелико. В 1774 г. в дворянском банке числилось «58 капиталов, разным лицам и персонам принадлежащих»¹⁾.

По сведениям на 1775 г. в московскую контору Дворянского банка со дня открытия и приема депозитов вступило 295 тыс. руб. из Воспитательного дома и 854 тыс. руб. от «партикулярных капиталистов». К отчетному времени в московской конторе оставалось вкладов — Воспитательного дома 35 тысяч руб. и частных вкладчиков — 490 тыс. руб.; кроме того, банк должен был процентов 102 тыс. руб. Но тогда же выяснилось, насколько оправдано было нежелание Банка развивать пассивные операции. Несмотря на весьма незначительные размеры вкладных операций, московская контора должна была признать свою несостоятельность. Контора писала, что деньги вкладчиков «состоят на заимщиках» и она не в состоянии удовлетворить требования о возврате вкладов²⁾.

В сенате и в высших правительственных кругах исполшились, видя в этом подрыв «банковского кредита», и поспешили дать некоторые запоздалые указания. Банкам было предложено впредь не «смешивать капиталы», т. е. деньги, полученные в виде вкладов от частных лиц и учреждений, не смешивать с остальными капиталами банка и отдавать, очевидно, только в наиболее обеспеченные ссуды. Далее предписывалось в первую очередь удовлетворить требования привилегированного вкладчика — Воспитательного дома, и только потом возвращать вклады и уплачивать проценты частным вкладчикам «по старшинству, кто прежде о возврате объявление подаст»³⁾.

Тогда же по этому поводу был издан «высочайший указ», в котором в торжественной форме гарантировались банковские вклады⁴⁾.

Сколько можно судить по имеющимся материалам, всем этим был нанесен непоправимый удар по пассивным операциям банка. Руководители банка в результате этого неудачного опыта воздерживаются от приема вкладов, но очевидно нет и сколько-нибудь заметного предложения со стороны вкладчиков. Следует вообще учесть крайний недостаток свободных

1) П.П.С.З. XVIII 15481.

2) П.П.С.З. XIX 13909.

3) Карлович — ук. соч., стр. 157, 196, 107.

4) П.П.С.З. XIX 13771.

1) П.П.С.З. XIX 12115.

2) П.П.С.З. XX 14273.

3) П.П.С.З. XX 14322.

4) П.П.С.З. XX 14338.

средств в стране, что само по себе должно было чрезвычайно лимитировать возможность развития пассивных операций банка.

В 1776 г. было издано постановление, в силу которого дворянскому банку отпущены 200 тыс. руб. специально «как случается требования от частных капиталистов о возврате положенных ими капиталов»¹⁾, причем строго предписывалось, что эти деньги должны храниться в виде запасного капитала и ни в коем случае не выдаваться в качестве ссуд²⁾.

Таким образом, выяснилось с полной очевидностью, что нельзя рассчитывать на расширение ссудных операций Дворянского банка за счет привлеченных вкладов частных лиц. Между тем, как мы видели, требования к банку все время растут, дворянство не прекращает свои жалобы на алчность ростовщиков, на свое разорение и т. д.

Конечно, дворянское государство не остается безучастным к этим жалобам. Средства, которые раздаются в виде ссуд дворянам-крепостникам, в годы царствования Екатерины II возрастают во много раз по сравнению с предшествующим периодом, и единственным источником увеличения капиталов Дворянского банка остаются государственные средства, т. е. в конечном счете деньги, выжимаемые путем всевозможных поборов и податей с крепостных крестьян.

V

История обслуживания дворянства дешевым государственным кредитом в екатерининскую пору делится на два периода: рубежом является 1786 г.— год реорганизации банка для дворянства.

Познакомимся здесь с источниками финансирования банка в первый период.

В 1786 г. в одном из «высочайших» манифестов писалось: «Во обуздании сего зла (лихвы) тетка наша, блаженные памяти императрица Елизавета Петровна в 1754 г. составила на 750 тыс. руб. банки для дворянства, нуждающегося в займе денег. Мы не только сохранили всю сумму, predeterminedенную в пользу, но еще в разные годы нашего царствования прибавили до 6 мил. руб. на равной предмет к поправлению состояния нашего дворянства»³⁾.

1) П.П.С.З. XX 148.0.

2) П.П.С.З. XX 14912.

3) П.П.С.З. XXII 16407.

Попытаемся указать, как и при каких обстоятельствах рос капитал банка для дворянства. Основным источником финансирования Дворянского банка является в эту пору Государственный ассигнационный банк.

Указ об организации Ассигнационного банка был издан 29 декабря 1768 г. На первых порах было предписано выпустить ассигнаций на сумму в один миллион рублей, причем этот первый — можно сказать, экспериментальный — выпуск имел 100% покрытие металлической (медной) монетой. Но интересно отметить, что тогда же возникла мысль о предоставлении части нововыпущенных ассигнаций Дворянскому банку для пополнения его ресурсов. Сохранился написанный Екатериной проект указа Сенату (от 29 декабря 1768 г.) о распределении миллионного миллиона рублей ассигнациями между различными ведомствами, и банку для дворянства предполагалось 200 тыс. руб. (по 100 тыс. руб. московской и петербургской монетам). Однако, в окончательном тексте указа ассигнования Дворянскому банку были вычеркнуты. Эти 200 тыс. руб. были отпущены «на разные строения и на подобные расходы в разные места»; т. е. очевидно на потребности дворцового ведомства⁴⁾.

Первое, сколько мы можем судить, распоряжение о выдаче банку для дворянства некоторых сумм из Ассигнационного банка было сделано 4 марта 1770 г., когда на заседании Государственного Совета «в присутствии Е. И. В. слушан проект об уделении из банка государственных ассигнаций некоторого числа денег для раздачи под заклад деревень, товаров и вещей. Е. И. В. соизволила оный апробировать и подписать на нем, чтоб сделано было потребное для того учреждение»⁵⁾. Какая точно сумма была выдана банку для дворян, мы не знаем.

Через год (15 ноября 1771 г.) последовал новый указ о выдаче из Ассигнационного банка 600 тыс. руб. «для различия займам дворянству»⁶⁾. Через два года (5 августа 1773 г.) было дано распоряжение о выдаче Дворянскому банку еще новых 800 тыс. руб. Любопытно отметить, что это решение вызвало возражение на заседании Государственного Совета. «В возражениях выступил фаворит Екатерины Г. Г. Орлов, бывший в должности председателя Вольно-Экономического Об-

1) Сборник Русского Исторического Общества, т. X (1872), стр. 313-314.

2) Архив Государственного Совета, г. I, ч. 2 (СПб, 1869) стр. 512.

3) Там же, стр. 523.

щества, проявившего интерес к финансовым вопросам. В протоколах Государственного Совета отмечено: «Генерал-Фельдцейхмейстер предлагал, что такими выдачами из банка взаимно денег расстраивается существо оно, и может обратиться в действительное в мнимое». Опасения Орлова были вполне основательными. Количество выпущенных ассигнаций достигло к тому времени 18 мил. руб., податное обеспечение было уже почти использовано и на бирже платили небольшой лаж и серебро (примерно 3 копейки)¹⁾. Однако на все возражения Орлова Екатерина ответила, что выдача такой незначительной суммы не может иметь значения²⁾.

Наступило грозное для дворянской монархии время — крестьянская война под руководством Пугачева (1773 — 1775). Большим трудом справившись с восстанием, дворянское государство стало изыскивать меры к скорейшему излечению раны, которые были нанесены хозяйству крепостников восставшим народом. Среди этих мероприятий была также и организация особо льготного кредита для пострадавших помещиков.

Уже 26 марта 1775 г., т. е. через два с половиной месяца после казни Ем. Пугачева, Государственный Совет рассматривал вопрос о специальном ассигновании Дворянскому банку для выдачи ссуд пострадавшим помещикам. Было решено для этой цели отпустить полтора мил. руб. ассигнациями. Хотя только за год до этого (10 января 1774 г.) было принято решение об ограничении выпуска ассигнаций 20 мил. руб.³⁾ правительство в это время уже полностью исчерпало свое эмиссионное право, для этого случая решено было нарушить постановление закона и эти полтора мил. руб. были выпущены «сверх положенного на обращение ассигнаций числа 20 мил. рубей»⁴⁾.

Следующее пополнение за счет сумм Ассигнационного банка Дворянский банк получил только через 3 года — в 1778 году. Как уже упоминалось выше, тогда обнаруживалось «недостаток» в Дворянском банке наличных сумм⁵⁾ и банку было специально ассигнован капитал на случай требований возвращения депозитов «частными капиталистами».

На этом было временно прекращено дальнейшее финансирование Дворянского банка за счет Ассигнационного банка

всего, как точно известно, до 1786 г. из сумм Ассигнационного банка на кредитование дворянства было отпущено 4500 тыс. руб.⁶⁾.

Однако пополнение ресурсов банка для дворянства из этого не заканчивается. В 1782 г. банку для дворянства были переданы капиталы прекратившего еще в 1770 г. свою деятельность Банка для купечества. Двенадцать лет продолжалась ликвидационный период этого банка, пока наконец не было решено использовать его капиталы для раздачи взаимно дворянству⁷⁾. Это поглощение Дворянским банком Купеческого банка является любопытной и показательной иллюстрацией к экономической политике дворянской монархии тех лет. Какая сумма поступила тогда в распоряжение Дворянского банка? Имеющиеся в нашем распоряжении материалы не дают точного ответа на вопрос. Напомним только, что основной капитал банка был 500 тыс. р., но уже в 1764 г. вместе с нарастающими процентами за банком числилось 802 тыс. руб.⁸⁾. Так что при всех поправках на пропавшие ссуды и невыясненные проценты следует считать, что из бывшего Купеческого банка перешло в Дворянский не менее миллиона рублей.

Очевидно какие-то незначительные суммы поступали в Дворянский банк из средств казначейства. Во всяком случае, в ведомостях государственных расходов между 1764 — 1772 г. г. значится графа «по банкам», в которую вписаны суммы размером от 20 до 173 тыс. руб. (всего за эти годы 657 тыс. руб.)⁹⁾. Точное назначение этих сумм нам впрочем неясно.

Вот и все известные нам ассигнования, поступившие в эти годы (до 1786 г.) на пополнение капиталов Дворянского банка. Было бы однако неверно думать, что приведенными выше ассигнованиями исчерпывались государственные затраты, связанные с операциями Дворянского банка.

Дошедшие до нас отрывочные материалы свидетельствуют с полной определенностью, что в некоторых — и возможно не

1) Архив Государственного Совета, стр. 546. Выше нами было установлено, когда и при каких обстоятельствах было выдано ассигнованым банком 3 мил. 100 тыс. руб., но напомним, что нам остается неизвестной сумма, выплаченная по распоряжению Государственного Совета 4 марта 1770 г., а возможно были и другие выдачи, сведения о которых не сохранились в дошедших источниках (или которые не удалось обнаружить).

2) П. П. С. З. XXI 13534.

3) П. П. С. З. XVI 12127.

4) Куломзин А. — Государственные расходы и доходы в царствование Екатерины II — Сборник Русского Исторического Общества, т. V (1870), стр. 228-229.

1) П. П. С. З. XIX 14916.

2) Архив Государственного Совета, стр. 532.

3) П. П. С. З. XIX 40 б.

4) Архив Государственного Совета, стр. 232.

5) ППСЗ XX 14720.

очень редких случаях — из казенных сумм покрывались долги отдельных должников банка. Так напр. сохранилась записка Екатерины II от 16 августа 1768 г., адресованная статс-секретарю Алсуфьеву, в которой приказывалось весьма лаконично: «Заплатите в Дворянский банк 10 тыс. рублей вместо И. И. Зиновьева»¹⁾. Почему сама государыня должна была заниматься вопросом о задолженности банку этого Зиновьева — сказать трудно. Но мы знаем, что И. И. Зиновьев был двоюродным братом Г. Орлова — тогдашнего фаворита царицы — и это счастливое родство очевидно все объясняет...

Важно отметить, что хотя в эти годы правительственные органы испытывают зачастую очень острую нужду в наличных средствах, изыскивая деньги для покрытия срочных платежей дворцового и военного ведомств, и широко использовали первые попадавшиеся в поле их зрения источники, — во весь обозреваемый нами период не делается попыток посягнуть на ресурсы Дворянского банка. Только в первый год царствования Екатерины банку было предложено из процентных сумм приготовить и «сдержать в заготовности» 50 тыс. руб. для покрытия расходов по очистке черной речки (в Петербурге)²⁾. Нам неизвестно, были ли использованы по этому неожиданному назначению средства банка, но важно, что это явилось совершенно единичной и не повторившейся попыткой. Не Дворянский банк стал одним из источников финансирования правительства (как это случилось с Ассигнационным банком), а на оборот, дворянское государство все время финансирует из различных источников Дворянский банк.

В свете изложенных выше материалов становится ясной полнейшая необоснованность утверждений официальных историков русских финансов о том, что банки были учреждены с целью увеличения государственных доходов³⁾. Наоборот, в условиях громадного напряжения государственного бюджета, предельного истощения платежных сил народа из средств казны изымались значительные суммы и при содействии банка передавались в руки небольшой кучки крепостников, которые использовали эти средства на непроизводительные нужды.

История банков в ближайшие десятилетия дает еще немало материалов для подтверждения этого тезиса.

1) Сборник Русского Исторического Общества, т. X, стр. 302.

2) П.П.С.Э. XVI, 11929.

3) Ср. напр. заявление Д. Толстого: «Банки, учрежденные Елизаветой и ее преемниками», преимущественной своей целью имели умножение доходов казны». «История финансовых учреждений России» СПб 1849, стр. 233.